

С. В. Рыжова

ДОВЕРИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6411

Рыжова Светлана Валентиновна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: Silica2@yandex.ru

Аннотация. На основе исследований в восьми российских регионах анализируются доверие и этнические установки как элементы регионального социального капитала. Делается вывод, что в сообществах с высокой значимостью этничности сплачивающий («bonding», по Р. Патнэму) социальный капитал поддерживает их культурное своеобразие, а присоединяющий («bridging») – формирует условия для становления структур гражданского общества. В качестве элементов сплачивающего социального капитала анализируются внутриэтническое доверие, этническая солидарность, актуализированная этническая идентичность и этнополитическая мобилизация. В качестве элементов присоединяющего социального капитала рассматриваются межэтническое и обобщённое доверие, доверие соседям и коллегам, этническая толерантность и готовность к интеграции мигрантов. Этническое разнообразие российского общества может конвертироваться в социальный капитал, но эти процессы происходят неравномерно в различных регионах. Этническая солидарность – наиболее влиятельный элемент сплачивающего социального капитала, она проявляется от 70% в Татарстане до 95% в Астраханской области. Присоединяющий социальный капитал проявляется более дифференцированно; например, такие его элементы, как доверие к соседям и готовность к интеграции мигрантов в Москве и Московской области, заметно ниже, чем в других регионах. Вместе с тем именно в Москве обобщённое доверие как основной элемент присоединяющего социального капитала активно участвует в формировании этнической толерантности. Для успешного процесса становления в региональных сообществах демократических установок и гражданских структур необходим баланс внутриэтнического и межэтнического доверия при высоком уровне доверия региональным, местным органам власти и судебной системе. Но темпы формирования *гражданской* культуры доверия пока отстают от уровня культуры *межэтнического* доверия – во всех исследованных регионах доверие региональной, местной власти и судьям уступает межэтническому доверию.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, межэтническое доверие, этническая солидарность, этнические установки, регионы России.

В условиях растущего культурного многообразия России, интенсификации контактов разного уровня актуальной научной и практической задачей становится мониторинг доверия и этнических установок россиян как элементов регионального социального капитала. Под социальным капиталом в самом

широком смысле понимается качество и эффективность социальных отношений [Коулман, 2001], подкрепляемых исторически складывающимися нормами взаимных обязательств и доверия [Патнэм, 1996]. Доверие является одним из ключевых элементов социального капитала и источником гражданского развития [Фукуяма, 2006]. Недоверие порождает интолерантность, сдерживает потенциал общественной самоорганизации [Козырева, 2009], провоцирует этнические фобии, создаёт почву для латентной межэтнической напряжённости и конфликта.

В полиэтничных российских регионах важно исследовать социальный капитал дифференцированно, учитывая его внутреннюю противоречивость, подвижность, исторические и социокультурные факторы становления [Сычѳв, 2017]. Международные исследования влияния этнического разнообразия на социальный капитал позволяют заключить, что влияние это проявляется крайне нестабильно и находится в сильнейшей зависимости от истории становления страны, её экономического развития, динамики миграционных процессов и демократических ориентаций [Татарко, 2014:104–108].

Доверие – это комплексный феномен, обусловленный социальными, психологическими, экономическими факторами. Как базовый элемент социального капитала доверие представляет собой неэкономический общественный ресурс, обеспечивающий продуктивность отношений между людьми и достижение целей [Коулман, 2001: 124]. В условиях этнического разнообразия важнейшими составляющими регионального социального капитала, наряду с доверием, являются этнические установки, которые наравне с доверием отражают качество сложившихся социальных и межэтнических отношений и формируют его содержательное наполнение – открытую (*bridging social capital*) или закрытую (*bonding social capital*) форму регионального социального капитала.

Во Всемирном исследовании ценностей [Инглхарт, Вельцель, 2011] доверие рассматривается как показатель «постматериалистических» общественных устремлений. Высокий уровень обобщѳнного доверия сигнализирует о насыщении основных потребностей, связанных с выживанием, и актуализации ценностей самовыражения, он характеризует общества с высоким уровнем благосостояния и личностной безопасности. Межэтническое доверие в полиэтнических сообществах является прямым индикатором социальной стабильности и позитивных межэтнических отношений.

Важно различать уровень доверия и характер этнических установок на общероссийском уровне и на уровне конкретных регионов – республик и областей. Результаты, полученные в общероссийских опросах, отражают усреднѳнные данные, которые могут сильно отличаться от тех, что получены в исследовании регионов, каждый из которых обладает уникальным этническим составом, культурным и экономическим своеобразием. Исследования в регионах с высоким уровнем межэтнического взаимодействия показывают, что в условиях исторически сложившейся многокультурности нормы межэтнического согласия формируются естественным образом, и возникающая региональная культура

доверия оказывается эффективным механизмом регулирования межэтнических отношений [Межнациональное согласие..., 2016]. Доверие и этнические установки, наряду с другими компонентами социального капитала, выражают способность региональных сообществ к самоорганизации, социальной сплочённости, готовность к коллективным действиям.

В качестве элементов социального капитала в статье анализируется *обобщённое, межэтническое* (доверие к людям других национальностей), *внутриэтническое* (в отношении людей своей национальности) доверие, а также *этнические установки*, активно участвующие в формировании регионального социального капитала. Как активные элементы региональной культуры доверия рассматривается межличностное доверие (соседям, друзьям, коллегам) и институциональное доверие (региональной и местной власти, судьям). Используются данные опросов, осуществлённых по единому инструментарию Центром межнациональных отношений ФНИСЦ РАН в 2014–2018 гг.¹ в регионах России, различающихся административным и экономическим статусом – Астраханской и Калининградской областях, Карелии, Башкортостане, Татарстане², Ставропольском крае, Москве и Московской области. Ситуация этноконфессионального пограничья в Татарстане и Башкортостане позволяет исследовать доверие между этническими группами, исторически принадлежащими к культурным традициям православия (русские) и ислама (татары, башкиры).

Обобщённое доверие («людям вообще») выражает наиболее абстрактный вид доверия и строится на основе культуры доверия с опорой на базовое доверие. По мнению П. Штомпки, культура доверия формируется «снизу» и возникает как результат продолжительного процесса становления в обществе доверительных отношений, развивающихся от тесного круга (родственники, семья) к более широкому (соседи, коллеги) и находит выражение в обобщённом доверии [Штомпка, 2014:326]. А. Папакостас обращает внимание, что для формирования обобщённого доверия нужны устойчивые политические институты и государство, выступающие гарантом честного сотрудничества [Папакостас, 2016]. Ф. Фукуяма говорит о том, что различия в уровне социального капитала современных обществ определяются радиусом сформированного доверия [Фукуяма, 2006].

Природа доверия имеет глубокие иррациональные источники, его смысловое, эмоциональное содержание не ограничивается рациональными основаниями [Зинченко, 2001]. Базовое доверие, формируясь в первый год жизни человека, выражает наиболее глубинную и недифференцированную установку

¹ Объём выборочной совокупности в каждом регионе 1000–1200 человек; использовалась территориальная, вероятностная, трёхступенчатая, случайная выборка.

² В Татарстане проведено совместное исследование Центра исследований межнациональных отношений ФНИСЦ РАН и РОО «Центр по изучению дискриминаций, экстремизма и ксенофобий Республики Татарстан». Объём выборочной совокупности 2000 человек; репрезентативный опрос жителей Татарстана проведён в 2018 г. по общереспубликанской случайной стратифицированной выборке.

по отношению к миру, восприятие его в категориях дружественного или опасного [Эриксон, 2006:106]. В нашем исследовании в Москве в качестве индикатора уровня базового доверия рассматривался выбор ответа «просто надеюсь, что меня не подведут» при ответе на вопрос о том, почему респондент доверяет людям. Оказалось, что уровень базового доверия крайне невелик и составляет 18%, а наиболее востребованы те основания доверия, которые выражают рациональные и нравственные его источники («честные», «имеют совесть»), личный опыт взаимодействия («поддерживали меня в трудную минуту»).

В контексте межэтнических (межнациональных) отношений *обобщённое доверие* (доверие «людям в целом») характеризует эффективность социальных связей, формирующихся поверх этнических границ, а *межэтническое доверие* – эффективность связей, возникающих на этнических (этноконфессиональных) границах, внутри этнически окрашенного социального пространства. При этом *внутриэтническое доверие* может служить индикатором внутригрупповой сплочённости, возникающей на основе разделяемой этнической принадлежности.

Как предмет этносоциологического исследования доверие выражает собой, с одной стороны, свойство социальных и, конкретно, межэтнических отношений, а с другой – установку на готовность к взаимодействию с людьми в условиях неопределённости, ожидания благоприятного поведения со стороны партнёра. Мы солидарны с подходами Ф. Фукуямы и П. Штомпки в том, что доверие выражает готовность к взаимодействию с людьми в ситуациях, когда поведение партнёров неподконтрольно и в определённой мере непредсказуемо. В условиях неопределённости ожидание благоприятного поведения означает, что человек будет руководствоваться во взаимоотношениях с людьми сложившимися в обществе правилами и нормами, опираясь на собственный опыт.

Исследователи различают «уровни» и «детерминанты» доверия. Наиболее абстрактным является обобщённое (генерализованное) доверие, выражающее доверие к людям в целом, вне зависимости от их конкретных характеристик и условий взаимодействия – групповой принадлежности, знакомства, родства. Оно является фундаментом социального капитала и основой гражданской самоорганизации. Уровень межгруппового доверия показывает доверие к значимым группам (и категориям), представленным в социальном пространстве, межличностного – доверие к знакомым. Детерминантами обобщённого и межгруппового доверия в различных условиях и контекстах могут выступать личностные свойства человека, его актуальное психологическое состояние, социальный и материальный статус, характеристики социальной среды (конфликтность, безопасность, участие в делах сообщества) (см.: [Омельченко и др., 2018]).

Обобщённое доверие в международных исследованиях изучается с помощью классического вопроса, в котором доверие и недоверие исследуются через противопоставление *доверия* и *осторожности*: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять, или в отношении с людьми следует быть осторожным?»,

с позициями ответов «большинству людей можно доверять» и «в отношениях с людьми следует быть осторожным». Осторожность в отношениях с людьми трактуется как недоверие.

Согласно международным и общероссийским исследованиям (Р. Инглхарт, П. Козырева, Л. Гудков), уровень обобщённого доверия в России крайне невысок. Всемирное исследование ценностей (6-я волна) показывает, что в России он составляет 28% [Всемирное исследование...]. Ведущие российские социологические центры, используя приведённый выше вопрос, дают такие же оценки — не более 30% россиян доверяют людям в целом.

В нашем исследовании мы изменили форму вопроса, традиционно используемого для оценки обобщённого доверия, поскольку трактовка *осторожности* в отношениях с людьми как *недоверия* не принимает в расчёт современную российскую специфику. В 1990-х гг. страна пережила кризис советской культуры доверия, крушение государственной системы, быстрые и травматичные социально-экономические преобразования, кризис нормативного порядка. Формирование доверия в новой России происходило в условиях жёстких реформ и знакомства с практиками «дикого капитализма». Поэтому выбор ответа «в отношениях с людьми следует быть осторожным» не всегда означает недоверие. Этот выбор может означать также в целом доверительный, но осторожный настрой в отношениях с людьми. Поэтому для исследования обобщённого доверия мы использовали простую четырёхбалльную шкалу доверия/недоверия. При ответе на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?» респонденту предлагалось выбрать один ответ из четырёх возможных: «большинству людей точно можно доверять», «большинству людей скорее можно доверять», «большинству людей скорее нельзя доверять», «большинству людей точно нельзя доверять».

Обобщённое доверие

Согласно проведённому исследованию, уровень обобщённого доверия в российских регионах выше, чем тот, который получен для России во Всемирном исследовании ценностей (напомним, что там он фиксировался на уровне 28%). С применением новой формулировки мы получили более оптимистичные данные. Уровень обобщённого доверия в регионах приближается к 50%; он практически одинаков и составляет 47–48% в Москве и Калининградской области, 45% в Астраханской области и Ставропольском крае, 46% в республиках Карелия и Татарстан и 42% в Башкортостане и Московской области (см. таблицу 1).

Уровень обобщённого доверия не зависит от административного статуса региона («область», «республика», «край»), не различается у русских и людей других национальностей. Только в Ставропольском крае, где население имеет опыт личного соприкосновения с терактами и силовыми операциями, среди

нерусских жителей уровень обобщённого доверия снижается до 28%; здесь, по оценкам экспертов [Авксентьев, 2018], сохраняются этнополитическая напряжённость и риски конфликтов с этническим компонентом.

Таблица 1

Уровень обобщённого доверия и недоверия в регионах России, % от опрошенных
Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?»

Большинству людей...	Астраханская область	Калининградская область	Московская область	Москва	Ставропольский край	Республика Карелия	Республика Башкортостан	Республика Татарстан
точно можно доверять	10	12	6	8	15	14	9	8
скорее можно доверять	35	36	36	39	30	31	33	38
В целом доверяют	45	48	42	47	45	46	42	46
скорее нельзя доверять	25	30	30	31	22	30	32	29
точно нельзя доверять	29	19	22	16	31	22	19	12
В целом не доверяют	54	49	52	47	53	52	51	41
Затруднились ответить	1	3	6	6	2	2	7	13

В регионах этноконфессионального пограничья – Татарстане и Башкортостане – уровень обобщённого доверия такой же, как в других регионах, и принципиальных различий в его уровне среди русских, татар и башкир не выявлено; отметим, что уровень *недоверия* татар Башкортостана выше, чем уровень *недоверия* татар Татарстана (54 против 43%) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Уровень обобщённого доверия в Татарстане и Башкортостане,
в зависимости от национальности респондентов, % от опрошенных
Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, можно ли доверять большинству людей?»

Большинству людей...	Татарстан		Башкортостан		
	Татары	Русские	Татары	Башкиры	Русские
точно можно доверять	7	9	8	10	10
скорее можно доверять	38	39	31	31	36
В целом доверяют	45	48	39	41	46
скорее нельзя доверять	31	28	34	34	26
точно нельзя доверять	12	11	20	18	20
В целом не доверяют	43	39	54	52	46

Если доверие к «людям в целом» рассматривать как обобщённый показатель позитивного восприятия жизни, то можно сказать, что православная и исламская культуры, пронизывающие общественное пространство этих республик, формируют у людей схожие базовые установки к миру.

Обобщённое доверие можно рассматривать как активный элемент регионального социального капитала, так как оно в состоянии смягчить напряжения в сфере межэтнических (межнациональных) отношений, стать фактором формирования межнационального согласия в обществе.

Эта тенденция отчётливо проявилась в Москве, где зафиксирован один из наиболее высоких уровней межэтнической напряжённости, спровоцированной быстрым миграционным притоком и конкуренцией за высокооплачиваемые рабочие места. Но при этом обобщённое доверие в столице проявляется как активный элемент социального капитала. Среди тех москвичей, кто в целом доверяет людям, выше показатели межэтнической толерантности— признание равноправия всех народов России, готовность взаимодействовать с людьми других национальностей, мириться с приезжими, отсутствие враждебности к людям других национальностей, отказ от насильственных методов урегулирования межэтнических конфликтов, актуализированная российская идентичность [Рыжова, 2016].

В других регионах роль обобщённого доверия в межэтнических отношениях проявляется не столь масштабно, но тенденция сохраняется. Общей закономерностью, свойственной формирующейся культуре доверия всех исследованных регионов, является отсутствие враждебности к представителям других национальностей и актуализированная российская идентичность. Так, в Астраханской области среди доверяющих людям 64% никогда не чувствуют враждебность к людям другой национальности, а среди не доверяющих — 49%. В Калининградской области это соотношение составляет 66 и 56%, в Московской агломерации — 48 и 41%, в Карелии — 71 и 61%, в Башкортостане различий практически нет (53 и 51%). В Татарстане использовался иной индикатор межэтнической толерантности¹, но тенденция прослеживается та же — среди доверяющих людям 89% не испытывают неприязни к представителям других национальностей, среди не доверяющих — 72%.

Актуализированной российской идентичностью («в значительной степени» ощущают себя гражданами России) обладают 57% среди тех, кто в целом доверяет людям, и 39% среди тех, кто не доверяет (в Астраханской области); в Калининградской области это соотношение составляет 57 и 49%, в Московской агломерации — 36 и 22%, в Ставропольском крае — 48 и 36%, в Карелии — 40 и 30%, в Башкортостане — 31 и 22%, в Татарстане — 50 и 42%.

¹ Использовался вопрос: «Некоторые люди с недоверием или неприязнью относятся к представителям других национальностей. А Вы лично испытываете такие чувства к представителям других национальностей?»

В сравнении с установкой обобщённого доверия («людям вообще») установки межличностного доверия в изучаемых регионах существенно выше, и в этом проявляется трудный опыт выживания россиян в переходный период постсоветских трансформаций, когда опорой для жизни выступали связи ближайшего родственного, дружеского, соседского круга, поддержка коллег. Культура доверия складывается на основе повседневных взаимодействий и сотрудничества, долговременных и стабильных межличностных отношений, и поэтому доверие друзьям, соседям, коллегам служит одним из первичных источников её возникновения.

Очень высокое доверие друзьям (около 90%), практически такое же, как доверие семье (свыше 90%), говорит о тесном характере дружеских связей в России и успешном опыте коопераций разного уровня, построенных на дружеских связях. Коллегам и соседям также доверяют больше половины опрошенных (свыше 60%) во всех регионах. Доверие членам семьи и друзьям не зависит от региона исследования, оно является универсальным стабилизирующим фактором. При этом установки доверия коллегам и соседям варьируют – они ниже в Москве и Московской области (62–61%) и выше в Астраханской и Калининградской областях (77–73%), Ставропольском крае и Карелии (71–80%). В Москве присутствует конкуренция за высокооплачиваемые рабочие места и, как в любом мегаполисе, выше автономность жизни, что находит выражение в данных показателях доверия (см. таблицу 3).

Таблица 3

Уровень межличностного доверия в регионах России, % от опрошенных

«Насколько Вы доверяете...?»	Астраханская область	Калининградская область	Московская область	Москва	Ставропольский край	Республика Карелия	Республика Башкортостан	Республика Татарстан
членам семьи	99	–*	97	97	99	98	92	97
друзьям	94	–*	91	90	91	93	86	93
коллегам	76	76	65	62	71	79	70	68
соседям	77	73	61	62	71	80	70	69

Примечание. В таблице представлены данные, объединяющие ответы «полностью доверяю» и «скорее доверяю».

*Данные отсутствуют

Внутриэтническое доверие

Внутриэтническое доверие (в отношении людей своей национальности) изучалось нами в четырёх регионах – Астраханской и Калининградской областях, в республиках Татарстан и Башкортостан. Во всех регионах внутриэтническое доверие выше, чем обобщённое. При этом в республиках оно сопоставимо

с доверием коллегам и соседям, но в областях его уровень заметно выше. Так, доверяют людям своей национальности 66–68% в Татарстане и Башкортостане и 80–76% в Астраханской и Калининградской областях (см. таблицу 4).

Таблица 4

Доверие людям своей национальности в регионах России, % от опрошенных
Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы доверяете людям своей национальности?»

Степень доверия	Астраханская область	Калининградская область	Республика Татарстан	Республика Башкортостан
Полностью доверяю	25	17	17	15
Скорее доверяю	55	59	49	53
В целом доверяют	80	76	66	68
Скорее не доверяю	11	13	13	15
Совсем не доверяю	2	2	3	3
В целом не доверяют	13	15	16	18

Внутриэтническое доверие возникает на основе принадлежности к обществу людей своей национальности. При этом само сообщество, внутри которого оно возникает, может быть реальным (например, места компактного проживания людей одной национальности), но может быть и «воображённым» (по Б. Андерсону), возникающим на основе убеждённости в том, что такое сообщество реально существует благодаря единству языка, культуры, представлений об общей исторической судьбе.

«Воображённое» этническое сообщество формируется во взаимосвязи с формированием категориальной этнической идентичности. На социальный механизм формирования этнической идентичности обратил внимание Д. Хандельман, указав, что мера связи людей внутри этнического сообщества определяется степенью его плотности, и каждый вид этнического сообщества порождает соответствующий вид этнической идентичности. Категориальная этническая идентичность возникает на основе представления о принадлежности к данной этнической категории, личный контакт людей при этом не обязателен, переживание чувства этнического единства происходит на основе отождествления и эмоциональной связи. Сетевая этническая идентичность складывается при наличии сетевых контактов и плотных связей людей одной национальности. Этнические ассоциации, где люди одной национальности объединяются на основе общих интересов, также порождают особый вид этнической идентичности, предполагающий определённую меру групповой сплочённости и опору на собственные мотивации [Handelman, 1977]. В любом случае высокое внутриэтническое доверие выражает значимость этничности и свидетельствует о широких социальных связях, построенных на её основе.

Высокий уровень *внутриэтнического* доверия может провоцировать этническую клановость, стать препятствием для формирования национально-гражданской (государственно-гражданской) идентичности, объединяющей всех людей независимо от их этничности и веры. Ч. Тэйлор обратил внимание, что совре-

менное демократическое государство очень заинтересовано в надэтнической идентичности своих граждан, поскольку их участие в качестве «совещательного единства» необходимо для эффективного политического управления страной [Тэйлор, 2002: 18]. С другой стороны, в условиях слабости гражданских структур и недоверия власти высокое внутриэтническое доверие становится естественной опорой для локальной социальной интеграции, особенно в регионах, где сохраняются элементы традиционного уклада.

Исходя из сказанного, становится очевидным, что для успешного становления в России демократических установок и гражданских структур необходим баланс *внутриэтнического* и *межэтнического* доверия, при высоком уровне обобщённого доверия, а также доверия судебной системе, региональным и местным органам власти.

Межэтническое доверие

Межэтническое доверие изучалось нами также в четырёх регионах – в республиках Карелия, Татарстан и Башкортостан, в Ставропольском крае. Рассматривалось оно как доверие, зарождающееся на этнических границах и преодолевающее их, как прямой индикатор благоприятных межэтнических отношений и гражданских установок. Распространяясь на людей других национальностей, межэтническое доверие способствует социальным связям и контактам разного уровня, возникающим в этнически неоднородной социальной среде.

В исследованных регионах *межэтническое* доверие также оказалось выше, чем обобщённое доверие. Если уровень обобщённого доверия в Башкортостане, Ставропольском крае и Карелии составляет 42, 45 и 46% соответственно, то уровень межэтнического – 62, 60 и 64% соответственно (см. таблицу 5).

Таблица 5

Доверие людям других национальностей в регионах России, % от опрошенных
Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы доверяете людям других национальностей?»

Степень доверия	Республика Карелия	Ставропольский край	Республика Татарстан	Республика Башкортостан
Полностью доверяю	9	8	10	15
Скорее доверяю	51	56	43	47
В целом доверяют	60	64	53	62
Скорее не доверяю	20	22	24	21
Совсем не доверяю	9	6	5	4
В целом не доверяют	29	28	29	25

Наблюдается парадоксальная ситуация – людям в целом доверяют меньше, чем людям других национальностей. Очевидно, что культура межэтнического доверия, исторически формирующаяся в исследованных регионах, выстояла и со-

хранилась в условиях бурных социально-политических трансформаций 1990-х гг., уцелела до наших дней благодаря взаимной поддержке и сотрудничеству людей различных национальностей. Поэтому и сегодня в региональных сообществах культура межэтнического доверия способна выполнять функции социальной интеграции. Превышая рубеж в 50%, межэтническое доверие выступает одним из ключевых элементов социального капитала в регионах.

Отметим, что в Татарстане межэтническое доверие оказалось ниже, чем в Башкортостане, и ниже, чем в Ставропольском крае и Карелии. При практически таком же уровне *обобщённого* доверия, как и в других регионах (46%), уровень *межэтнического* доверия в Татарстане составляет 53% (против 60, 62 и 64% в Карелии, Ставропольском крае и Башкортостане).

Таким образом, региональная *гражданская* культура доверия, формируемая на основе обобщённого доверия, пока уступает культуре *межэтнического* доверия, но потенциал гражданского развития в регионах очень высок: об этом говорит высокий уровень доверия друзьям – практически такой же, как членам семьи (около 90%). Становление гражданской активности и сопутствующей ей культуры доверия на основе дружеских контактов и сформированных на их основе ассоциаций сдерживает низкое доверие региональной, местной власти и судебной системе.

Во всех исследованных регионах доверие региональной власти ниже, чем доверие правительству России (в Татарстане эти вопросы не задавались), а доверие местной власти ниже, чем доверие региональной власти (см. таблицу 6). В рейтинге доверия институтам, поддерживающим порядок, доверие *судьям* – на последнем месте – кроме Карелии и Башкортостана

Таблица 6

Институциональное доверие в регионах России, % от опрошенных

«Насколько Вы доверяете...?»	Астраханская область	Калининградская область	Московская область	Москва	Ставропольский край	Республика Карелия	Республика Башкортостан
правительству России	66	66	61	56	60	63	63
представителям региональной власти	31	41	43	49	35	26	56
представителям местной власти	40	–	30	36	31	25	47
судьям	32	36	26	25	30	42	50

Примечание. В таблице представлены данные, объединяющие ответы «полностью согласен» и «скорее согласен».

*Данные отсутствуют

Если сравнить доверие власти и судьям с доверием в отношении людей иной национальности, то мы увидим, что *межэтническое доверие везде выше, чем доверие власти и судьям*. Интегрирующей силой обладает только доверие правитель-

ству России – ему доверяют свыше 60% в регионах (в Москве 56%), а доверие региональной и местной власти слабо участвует в формировании регионального социального капитала, так как этим институтам доверяют меньше половины опрошенных. Исключение составляет Москва – здесь региональной власти доверяет практически половина опрошенных – 49% (табл. 6).

Присоединяющий и сплачивающий социальный капитал

Исследуя роль соседского, дружеского, досугового общения в формировании социального капитала и становлении структур гражданского общества, Р. Патнэм пришёл к пониманию, что гражданскому развитию способствует лишь открытая форма социального капитала, способствующая «наведению мостов» между различными сообществами, включению их в общее, в рамках данной локальности, универсальное социальное пространство. Такая форма социального капитала, отличительной чертой которой является способность «генерировать более широкие идентичности», названа им присоединяющим социальным капиталом (*bridging social capital*) [Putnam, 2001: 23]. Противоположная форма, названная им сплачивающим социальным капиталом (*bonding social capital*), развивается на основе партикулярных интересов, и такой капитал усиливает гомогенность группы, обеспечивая её мобилизацию и солидарность, нередко за счёт исключения из сообщества иных, чужих [Putnam, 2001: 22; Блок, Головин, 2015].

Выделение данных форм социального капитала обусловлено понимаем, что высокий его уровень, накопленный внутри любого локального сообщества, может провоцировать замкнутость и быть препятствием для интеграции его членов в более масштабные гражданские структуры, которые складываются на основе социальных связей, относительно свободных от этнических, религиозных, региональных различий и тесных семейных/клановых уз.

Различение двух форм социального капитала позволяет рассматривать *межэтническое* доверие как элемент *присоединяющего*, открытого вовне социального капитала (*bridging social capital*), а *внутриэтническое доверие* – как элемент *сплачивающего*, закрытого социального капитала (*bonding social capital*). В сообществах с высокой значимостью этничности, к каким можно отнести и современную Россию, наравне с межэтническим и внутриэтническим доверием подобную присоединяющую либо сплачивающую роль выполняют этнические установки. Рассмотрим некоторые из них.

Так, в качестве элементов *сплачивающего* социального капитала, наравне с *внутриэтническим* доверием, можно рассматривать этническую солидарность, актуализированную этническую идентичность и этнополитическую мобилизацию. Наибольшим весом среди этих установок обладает этническая солидарность – 70–77% в Татарстане и Башкортостане, 89% в Москве и Московской области и свыше 90% в Астраханской, Калининградской обла-

сти, в Ставропольском крае и Карелии придерживаются мнения, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности». Этнополитическая мобилизация (поддержка суждения «все средства хороши для защиты интересов моего народа») превышает 50% в Ставропольском крае (51%) и Карелии (61%), в Калининградской, Астраханской, Московской области и Башкортостане она составляет 41, 43, 43 и 47% соответственно; в Москве – 38%, а в Татарстане – 14%.

Сплачивающим потенциалом в 50%, обладает установка, выражающая актуальность этнической идентичности. Ощущают *тесную близость* с людьми своей национальности 53% респондентов в Астраханской и Калининградской областях, 52% в Татарстане, 48% в Ставропольском крае, 43% в Карелии. В Москве, Московской области и Башкортостане уровень этой близости значительно ниже и составляет 29, 30 и 29% соответственно (см. таблицу 7).

Таблица 7

Элементы сплачивающего социального капитала в регионах России, % от опрошенных

Элементы	Астраханская область	Калининградская область	Московская область	Москва	Ставропольский край	Республика Карелия	Республика Башкортостан	Республика Татарстан
Этническая солидарность («современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности»)	95	90	89	89	95	93	77	70
Этнополитическая мобилизация («все средства хороши для защиты моего народа»)	43	41	43	38	51	61	47	14
Актуализированная этническая идентичность (в «значительной степени» чувствуют близость с людьми своей национальности)	53	53	30	29	48	43	29	52

В каждом регионе сплачивающий социальный капитал уравнивается присоединяющим капиталом. Как отмечалось выше, элементами *присоединяющего* социального капитала, наравне с *межэтническим* доверием, можно считать установки межэтнической толерантности, выражающиеся в готовности принять человека другой национальности в качестве жителя своего города/села, в качестве соседа и друга. Доверие к соседям и коллегам также, безусловно, выполняет «присоединяющую» функцию. Важный элемент присоединяющего социального капитала – готовность к интеграции мигрантов, которая варьирует от 51% в Москве и 55% в Московской области до 68–76% в других регионах (см. таблицу 8).

Таблица 8

Элементы присоединяющего социального капитала в регионах России, % от опрошенных

Элементы	Астраханская область	Калининградская область	Московская область	Москва	Ставропольский край	Республика Карелия	Республика Башкортостан	Республика Татарстан
Готовность принять человека другой национальности как жителя своего города, села	82	82	74	71	79	76	74	88
Готовность принять человека другой национальности как своего коллегу	81	79	72	71	83	79	68	81
Готовность принять человека другой национальности как своего соседа	82	80	72	76	81	78	69	78
Готовность принять человека другой национальности как близкого друга	76	77	53	65	74	73	64	72
Доверие коллегам	76	76	65	62	71	79	70	68
Доверие соседям	77	73	61	62	71	80	70	69
Согласие на то, чтобы дети и внуки мигрантов стали постоянными жителями города/села респондента	70	76	55	51	72	69	68	–

Как видно из данных таблицы 8, большинство опрошенных (от 2/3 до 3/4) во всех исследованных регионах выражают готовность взаимодействовать с человеком другой национальности в качестве коллеги, соседа или друга, видеть его в качестве жителя своего города или села. Исключение составляет Москва – здесь, по сравнению с другими регионами, лишь половина опрошенных (53%) готова близко дружить с человеком другой национальности.

В свете поставленных вопросов о путях формирования регионального социального капитала возникает ещё один вопрос – какому виду капитала принадлежит обобщённое доверие – спланивающему или присоединяющему? Его взаимосвязь с этнической толерантностью говорит о том, что обобщённое доверие – активный элемент присоединяющего, открытого социального капитала.

Заключение

В формировании регионального социального капитала, наравне с доверием, активную роль играет этничность, наделяя социальные связи «спланивающим» либо «присоединяющим» потенциалом. Во всех исследованных регионах радиус *внутриэтнического* и *межэтнического доверия* превышает радиус обобщённого доверия и сопоставим с доверием соседям и коллегам. Превышая рубеж в 50%

межэтническое доверие в регионах выполняет функции социального интегратора и выступает одним из ведущих элементов присоединяющего социального капитала. Внутриэтническое доверие, которое также превышает уровень в 50% во всех регионах, служит основой для этнической консолидации и одним из базовых элементов сплачивающего социального капитала.

Этническое разнообразие российского общества может конвертировать-ся в социальный капитал, но эти процессы происходят неравномерно в различных регионах.

Сплачивающий социальный капитал поддерживает региональное этнокультурное своеобразие, а присоединяющий – формирует гражданские ориентации и создаёт условия для становления структур гражданского общества. Наравне с внутриэтническим доверием этническая солидарность – наиболее влиятельный элемент *сплачивающего* социального капитала, она проявляется от 70% в Татарстане до 95% в Астраханской области. Актуальность этнической идентичности (ощущение тесной связи с людьми своей национальности) – также весомый элемент сплачивающего социального капитала. В Астраханской и Калининградской областях, в Ставропольском крае и Татарстане её уровень приближается и преодолевает рубеж в 50% (53, 53, 48 и 52% соответственно). Но в Москве, Московской области и Башкортостане он существенно ниже (29, 30 и 29% соответственно).

Присоединяющий социальный капитал зиждется преимущественно на дружеских и соседских связях доверия, на отношениях доверия и сотрудничества, возникающих в трудовых коллективах. Активным его элементом, наравне с межэтническим и обобщённым доверием, является готовность принять человека другой национальности как жителя своего города или села, соседа или друга. Присоединяющий социальный капитал проявляется более дифференцированно, чем сплачивающий. Например, такие его элементы, как доверие к соседям, готовность близко дружить с человеком другой национальности и готовность к интеграции мигрантов в Москве и Московской области, заметно ниже, чем в других исследованных регионах. Вместе с тем именно в Москве обобщённое доверие как основной элемент присоединяющего социального капитала активно участвует в формировании установок этнической толерантности.

Уровень обобщённого доверия является стабильным элементом регионального социального капитала, он во всех регионах практически одинаков (колеблется от 42% в Московской области до 48% в Калининградской области), не зависит от административного статуса региона («область», «республика», «край») и не различается у русских и людей других национальностей.

Для успешного становления в региональных сообществах демократических установок и гражданских структур необходим баланс внутриэтнического и межэтнического доверия при высоком уровне доверия региональным, местным органам власти и судебной системе. Но темпы формирования *гражданской* культуры доверия пока отстают от уровня культуры *межэтнического* доверия – во всех исследованных регионах межэтническое доверие выше, чем доверие региональной, местной власти и судьям.

Список литературы

Авксентьев В. А. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски // *Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской конференции / Отв. ред. М. А. Омаров. М.: РГГУ, 2018. С. 131–140.*

Блок М., Головин Н. А. Социальный капитал: к обобщению понятия // *Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 12. Вып. 4. С. 99–111.*

Всемирное исследование ценностей [Электронный ресурс] // *World Values Survey: [веб-сайт]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 23.05.2019).*

Зинченко В. П. Психология доверия. Самара: САОКПП, 2001. 104 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Козырева П. М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // *Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.*

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.*

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества. Социокультурный и религиозный контексты / [Е. М. Арутюнова и др.]; отв. ред. Л. М. Дробизева; Ин-т социологии РАН. М.: ИС РАН, 2016. 400 с.

Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. Генерализованное (обобщённое) доверие в российских приграничных регионах как показатель социальной безопасности // *Society and Security Insights. 2018. Т. 1. №. 2. С. 11–28.*

Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция / Пер. с англ. Д. Жихаревича. М.: ВЦИОМ, 2016. 224 с.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захаров. М.: Ad Marginem, 1996. 288 с.

Рыжова С. В. Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен // *Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 72–94.*

Сычёв А. А. Межэтническое доверие // *Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 1. С. 15–23.*

Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Ин-т психологии РАН, 2014. 384 с.

Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и лекарство от него?) // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН; ИФ РАН, 2002. С. 11–37.*

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ Москва; Хранитель, 2006. 730 с.

Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2014. 440 с.

Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. А. Д. Андреевой, А. М. Прихожан, В. И. Ривош, Н. Н. Толстых; под ред. А. В. Толстых. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 352 с.

Handelman D. The Organization of Ethnicity // *Ethnic Groups. An International Periodical of Ethnic Studies Bronx. NY. 1977. Т. 1. №. 3. С. 187–200.*

Putnam R. D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon and Schuster, New York, London, Toronto, Sydney, 2001. 541 с.

Дата поступления в редакцию: 20.04.2019.

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6411

Trust and Ethnic Attitudes as Elements of Regional Social Capital

Ryzhova Svetlana Valentinovna

Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build. 5, 117218, Moscow, Russia.

E-mail: Silica2@yandex.ru

Abstract. Based on research conducted in eight Russian regions, trust and ethnic attitudes are analyzed as parts of regional social capital. It is concluded that in communities with a high level of ethnicity bonding (according to R. Putnam), social capital helps to sustain their cultural identity, while bridging social capital creates the conditions for the formation of the civil society. Intra-ethnic trust, ethnic solidarity, actualized ethnic identity and ethnopolitical mobilization are analyzed as parts of the bonding social capital. Inter-ethnic and generalized trust, trust in neighbors and colleagues, ethnic tolerance and readiness for the integration of migrants are considered as elements of bridging social capital. Ethnic diversity of Russian society can be converted into social capital, however, these processes occur unevenly in different regions. Ethnic solidarity is the most influential element of bonding social capital, it is made manifest from 70% in Tatarstan to 95% in Astrakhan region. Bridging social capital is more differentiated. For example, figures for such elements as trust in neighbors and colleagues and readiness for the integration of migrants in Moscow and Moscow region are much lower than in other regions. At the same time, it is in Moscow that generalized trust as the key element of the bridging social capital is actively involved in the formation of ethnic tolerance. In order for the democracy attitudes and civil structures to be successfully established in the regional communities, there should be a balance between intra-ethnic and inter-ethnic trust together with high level of confidence in the regional and local governments, as well as in the judiciary system. But the development of the civic culture is still lagging behind the cultural level of inter-ethnic trust: in all the regions under analysis, confidence in regional and local authorities is below the level of the inter-ethnic trust.

Keywords: social capital, trust, inter-ethnic trust, ethnic solidarity, ethnic attitudes, regions of Russia.

REFERENCES

Avksent'ev V. A. Etnopoliticheskie protsessy na Severnom Kavkaze: stabilizatsija, faktory, riski. [Ethnopolitical processes in the North Caucasus: stabilization, factors, risks]. *Natsiestroitel'stvo: sostojanie, problemy, perspektivy. Materialy Vserossijskoj konferentsii*. Ed. by M. A. Omarov. M.: RGGU publ., 2018. P. 131–140. (In Russ.).

Blok M., Golovin N. A. Sotsial'nyj kapital: k obobscheniju ponjatija. [Social capital: towards a generalization of the concept of]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2015. Ser. 12. Vyp. 4. P. 99–111. (In Russ.).

Erikson E. *Identichnost': junost' i krizis*. [Identity: youth and crisis]. Per s angl. A. D. Andreeva, A. M. Prihozhan, V. I. Rivosh, N. N. Tolstyh; ed by A. V. Tolstyh. M.: Flinta; MPSI; Progress publ., 2006. 352 p. (In Russ.).

Fukujama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniju*. [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Per. s angl. D. Pavlova, V. Kirjuschenko, M. Kolopotin. M.: AST Moskva; Hranitel' publ., 2006. 730 p. (In Russ.).

Inglhart R., Vel'tsel' K. *Modernizatsija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija*. [Modernization, cultural change and democracy: Consistency of human development]. M.: Novoe izdatel'stvo publ., 2011. 464 p. (In Russ.).

Kozyreva P. M. *Mezhlichnostnoe doverie v kontekste formirovanija sotsial'nogo kapitala*. [Interpersonal trust in the context of social capital formation]. *Sotsiologicheskie issledovanija*. 2009. № 1. P. 43–54. (In Russ.).

Koulman Dzh. *Kapital sotsial'nyj i chelovecheskij*. [Social and human capital]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. № 3. P. 121–139. (In Russ.).

Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossijskogo obschestva. Sotsiokul'turnyj i religioznyj konteksty. [Interethnic harmony as a resource of consolidation of Russian society. Socio-cultural and religious contexts]. Ed. by L. M. Drobizheva; In-t sotsiologii RAN. M.: IS RAN publ., 2016. 400 p. (In Russ.).

Omel'chenko D. A., Maksimova S. G., Nojanzina O. E. *Generalizovannoe (obobschennoe) doverie v rossijskikh prigranichnyh regionah kak pokazatel' sotsial'noj bezopasnosti*. [Generalized trust in Russian border regions as an indicator of social security]. *Society and Security Insights*. 2018. T. 1. №. 2. P. 11–28. (In Russ.).

Papakostas A. *Stanovlenie tsivilizovannoj publichnoj sfery: Nedoverie, doverie i korruptsija*. [Formation of civilized public sphere: Distrust, trust and corruption]. Per.s angl. D. Zhiharevich. M.: VTSIOM publ., 2016. 224 p. (In Russ.).

Patnem R. *Chtoby demokratija srabotala. Grazhdanskije traditsii v sovremennoj Italii*. [For democracy to work. Civil traditions in modern Italy]. Per. s angl. A. Zaharov. M.: Ad Marginem publ., 1996. 288 p. (In Russ.).

Ryzhova S. V. *Doverie i etnicheskaja tolerantnost' v uslovijah sotsial'nyh peremen*. [Trust and ethnic tolerance in the context of social cha]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2016. T. 22. № 1. P. 72–94. (In Russ.).

Shtompka P. *Doverie – osnova obschestva*. [Trust is the Foundation of society]. M.: Logos publ., 2014. 440 p. (In Russ.).

Sychev A. A. *Mezhethnicheskoe doverie*. [Inter-ethnic trust]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istorija, Filosofija. Pravo*. 2017. № 1. P. 15–23. (In Russ.).

Tatarko A. N. *Sotsial'no-psihologicheskij kapital lichnosti v polikul'turnom obschestve*. [Socio-psychological capital of personality in a multicultural society]. M.: In-t psihologii RAN publ., 2014. 384 p. (In Russ.).

Tejlor Ch. *Demokraticeskoe iskljuchenie (i lekarstvo ot nego?)*. [A democratic exception (and a cure for it?)]. *Mul'tikul'turalizm i transformatsija postsovetskih obschestv*. Ed. by V. S. Malahov i V. A. Tishkov. M.: In-t etnologii i antropologii RAN; IF RAN publ., 2002. P. 11–37. (In Russ.).

Vsemirnoe issledovanie tsennostej. [World values survey]. [Elektronnyj resurs]. World Values Survey: [veb-sajt]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (data obraschenija: 23.05.2019). (In Russ.).

Zinchenko V. P. *Psihologija doverija*. [Psychology of trust]. Samara: SIOKPP publ., 2001. 104 p. (In Russ.).

Handelman D. *The Organization of Ethnicity. Ethnic Groups. An International Periodical of Ethnic Studies Bronx*. NY. 1977. T. 1. №. 3. P. 187–200.

Putnam R. D. *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon and Schuster, New York, London, Toronto, Sydney, 2001. 541 p.

Date received by 20.04.2019.